

К 90-летию ИИЕТ РАН

Towards the 90th Anniversary of IHST RAS

DOI: 10.31857/S020596060021682-2

ПРОБЛЕМЫ НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА В ТРУДАХ М. Г. ЯРОШЕВСКОГО И ЕГО ШКОЛЫ

ВОЛОДАРСКАЯ Елена Александровна — Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН; Россия, 125315, Москва, ул. Балтийская, д. 14;
E-mail: eavolod@gmail.com

РОССИЯНОВ Кирилл Олегович — Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН; Россия, 125315, Москва, ул. Балтийская, д. 14;
E-mail: rossiianov@yahoo.com

СИРОТКИНА Ирина Евгеньевна — Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН; Россия, 125315, Москва, ул. Балтийская, д. 14;
E-mail: isiro1@yandex.ru

© Е. А. Володарская, К. О. Россиянов, И. Е. Сироткина

В статье прослеживается жизненный и творческий путь видного российского психолога и историка науки Михаила Григорьевича Ярошевского (1915–2001), воссоздается история его исканий в различных областях исследования: истории и методологии психологии, истории советской науки, социальной психологии науки. Автор многократно переиздававшейся «Истории психологии», Ярошевский известен собственным системным подходом к анализу теоретических оснований психологии, ее «категориального строя». Показана роль Ярошевского в восстановлении исторической справедливости — реабилитации репрессированных и оклеветанных ученых, создании проекта «Репрессированная наука», явившегося важной вехой исторической рефлексии ученых в различных отраслях отечественного естественно-научного и гуманитарного знания. Особого внимания заслуживает вклад ученого в социальную психологию науки, разработка им программно-ролевого подхода к изучению научной деятельности. Примером комплексного подхода к анализу науки может служить проект исторической психологии, разрабатывавшийся Ярошевским в последние годы жизни и соединивший в себе историю научных идей с изучением социально-психологической динамики научных коллективов. Ученым было также обосновано существование «особого пути», парадигмы изучения поведения, сложившейся в нашей стране и резко отличной от бихевиористской традиции.

Ключевые слова: история и методология психологии, социальная история науки, социальная психологии науки, программно-ролевой подход к изучению научного творчества.

Статья поступила в редакцию 29 июня 2022 г.

PROBLEMS OF SCIENTIFIC CREATIVITY IN THE WORKS OF M. G. YAROSHEVSKY AND HIS SCHOOL

VOLODARSKAYA Elena Aleksandrovna — *S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences; Ul. Baltiyskaya, 14, Moscow, 125315, Russia; E-mail: eavolod@gmail.com*

ROSSIIANOV Kirill Olegovich — *S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences; Ul. Baltiyskaya, 14, Moscow, 125315, Russia; E-mail: rossiianov@yahoo.com*

SIROTKINA Irina Yevgenievna — *S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences; Ul. Baltiyskaya, 14, Moscow, 125315, Russia; E-mail: isiro1@yandex.ru*

© E. A. Volodarskaya, K. O. Rossiianov, I. Ye. Sirotkina

Abstract: This article tracks down the personal and professional life journey of a renowned Russian psychologist and historian of science, Mikhail Grigorievich Yaroshevsky (also spelled Iaroshevskii) (1915–2001), reconstructs the history of his pursuits in various research fields such as history and methodology of psychology, history of Soviet science, and social psychology of science. The author of numerous editions of “A History of Psychology”, Yaroshevsky is known for his original systemic approach towards the analysis of theoretical foundations of psychology, its “categorical framework”. The article depicts Yaroshevsky’s role in putting the historical record straight: exonerating the repressed and defamed scholars, creation of the “Repressed science” project that was an important milestone in the historical reflection of scholars in various fields of knowledge of the Russian history of science and humanities. Yaroshevsky’s contribution to social psychology of science, development of the program-role approach to the studies on scientific work, deserves special mentioning. An example of complex approach to the analysis of science is the project of historical psychology that Yaroshevsky was developing in the last years of his life. This project combined the history of scientific ideas with the studies on sociopsychological dynamics of scientific groups. He had also presented an argument in favor of the existence of a “special path”, a paradigm for behavior research that has formed in our country and was dramatically different from the behaviorist tradition.

Keywords: history and methodology of psychology, social history of science, social psychology of science, program-role approach to scientific creativity studies.

For citation: Volodarskaya, E. A., Rossiianov, K. O., and Sirotkina, I. Ye. (2022) Problemy nauchnogo tvorchestva v trudakh M. G. Iaroshevskogo i ego shkoly [Problems of Scientific Creativity in the Works of M. G. Yaroshevsky and His School], *Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki*, vol. 43, no. 3, pp. 470–489, DOI: 10.31857/S020596060021682-2.

В 2022 г. Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН отмечает свое 90-летие. В приуроченной к юбилею серии публикаций как нельзя более уместна статья о Михаиле Григорьевиче Ярошевском, проработавшем в институте 33 года, с 1965 по 1998 г. ИИЕТ за это время изменил свою структуру — его состав пополнился отделом науковедения, включавшим секторы методологии, социологии и психологии науки. Ярошевский стоял у истоков науковедения и психологии науки в нашей стране — он создал и возглавил сектор проблем научного творчества, был одним из инициаторов и редакторов выпускавшейся издательством «Наука» легендарной серии «Науковедение: проблемы и исследования», в которую вошли тома «Научное творчество» (1969), «Научное открытие и его восприятие» (1971), «Социально-психологические проблемы науки» (1973), «Человек науки» (1974) и «Школы в науке» (1977) ¹. Он также одним из первых поставил вопрос о восстановлении доброго имени ученых, пострадавших от сталинских репрессий, предложив термин «репрессированная наука» и программу исторических исследований тех искажений, которым наука подверглась при диктаторском режиме. Он участвовал в принятии многих организационных решений и как член дирекции, и как личный друг и советник директоров ИИЕТ С. Р. Микулинского и В. М. Орла. Наконец, он был глубоко уважаем и любим своими учениками, многие из которых, по его примеру, нашли себя в науке и, несмотря на перипетии постсоветской эпохи, не сошли с научной стези. Без преувеличения можно сказать, что Михаил Григорьевич определял характер исследований и лицо института, каким тот стал к концу XX в. В приложении к статье мы публикуем важный документ — одно из последних писем Ярошевского, в котором он размышляет о судьбе науки и всей страны.

Жизненный путь

М. Г. Ярошевский родился в 1915 г. в Херсоне. Сразу после окончания школы он переехал в Ленинград, где поступил на факультет русского языка и литературы Ленинградского педагогического института. Окончив институт в 1937 г., поступил в аспирантуру к известному психологу С. Л. Рубинштейну. Но 9 февраля 1938 г. был арестован по сфабрикованному обвинению. 31 марта 1938 г., когда пытки, которым подвергался Ярошевский, достигли пределов терпения, он подписал, невзирая на чудовищность предъявленных обвинений, самооговор. Ярошевский был осужден на 10 лет заключения, но по счастливой случайности был освобожден в мае 1939 г., после того как с поста наркома внутренних дел был смещен Н. И. Ежов и вместо него назначен Л. П. Берия. Несостоятельность предъявленных Ярошевскому

¹ Научное творчество / Ред. С. Р. Микулинский, М. Г. Ярошевский. М.: Наука, 1969; Научное открытие и его восприятие / Ред. Б. М. Кедров, М. Г. Ярошевский, С. Р. Микулинский, И. Б. Погребысский. М.: Наука, 1971; Социально-психологические проблемы науки. Ученый и научный коллектив / Ред. М. Г. Ярошевский. М.: Наука, 1973; Человек науки / Ред. М. Г. Ярошевский. М.: Наука, 1974; Школы в науке / Ред. С. Р. Микулинский, М. Г. Ярошевский, Г. Кребер, Г. Штейнер. М.: Наука, 1977.

уголовных обвинений была официально признана только 7 мая 1991 г., так что сорок три года своей жизни он прожил с клеймом неблагонадежности ².

И свою первую лекцию Ярошевский прочитал в ленинградской тюрьме Кресты в одиночной камере, где находились 25 человек. Ему досталось место на цементном полу рядом с Львом Николаевичем Гумилевым, который был объявлен следствием руководителем заговора. Они оба, а также несколько студентов Ленинградского университета — друг Ярошевского студент-историк Николай Гольдберг; студент-биолог Николай Давиденков, сын известного ленинградского невропатолога С. Н. Давиденкова; студент восточного отделения факультета иностранных языков Юрий Люблинский; сын университетского профессора истории и сам студент-историк Анатолий Предтеченский; студент-медик, второкурсник Алексей Дернов — были арестованы по сфабрикованному обвинению в терроризме, под пытками оговорили себя и были осуждены на разные сроки. Также находившийся в камере актер Большого драматического театра Алексей Дикий всячески подбадривал «студентов», учил, как продержаться человеку в самые трагические моменты жизни, не сломаться, не потерять себя. В камере звучали стихи, сокамерники по очереди читали друг другу лекции. Ярошевский — о Платоне и Аристотеле ³.

В первой половине 1940-х гг. Ярошевский переехал из Ленинграда в Москву и был зачислен в незадолго до этого организованный под руководством Сергея Леонидовича Рубинштейна сектор психологии Института философии АН СССР, одновременно он обучался в аспирантуре Государственного института психологии, вскоре переименованного в Институт общей и педагогической психологии Академии педагогических наук СССР ⁴. В ходе войны Ярошевский был в эвакуации в Средней Азии, а затем в 1945 г. завершил кандидатскую диссертацию «Учение А. А. Потебни о языке и сознании». Диссертация получила одобрение официальных оппонентов А. А. Смирнова и Б. М. Теплова и была успешно защищена ⁵. С 1946 по 1950 г. Ярошевский — младший научный сотрудник Института психологии, 31 мая 1950 г. он был утвержден в звании старшего научного сотрудника по специальности «психология» ⁶. Но развязанная в это же время кампания по борьбе с «космополитизмом» послужила причиной отъезда Ярошевского из Москвы в Таджикистан. Отъезд был вызван и тем, что в Институте психологии началась травля учителя Ярошевского Рубинштейна. В отличие от многих других сотрудников, Ярошевский не стал публично критиковать Рубинштейна. Тогда его вызвал заместитель директора института Трошин и завел об этом

² Петровский А. В. Психология и время. М.: Питер, 2007. С. 126–127.

³ Коваленко Ю. Так это было... Так это есть? Так это будет? // https://echo.msk.ru/blog/y_kovalenko/.

⁴ Марцинковская Т. Д. Михаил Григорьевич Ярошевский: историческая психология исторической личности // Развитие личности. 2015. № 4. С. 11.

⁵ Петровский А. В. Психология и время... С. 126–127.

⁶ Личное дело М. Г. Ярошевского // Архив Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН.

разговор, обещая «принять меры»⁷. Через несколько дней Ярошевского вызвали на Лубянку и предложили, если он не хочет дальнейших неприятностей, стать осведомителем и докладывать о настроениях и разговорах Рубинштейна⁸. Ярошевский быстро собрался и уехал в Таджикистан, где провел более 15 лет. В этот период он жил в Ленинабаде (ныне Худжанд), работая старшим преподавателем кафедры языка и литературы Ленинабадского педагогического института. В 1955 г. он был назначен заведующим кафедрой педагогики и психологии организованного тогда Кулябского пединститута. В 1960 г. институт был преобразован в филиал Душанбинского пединститута, и Ярошевский стал первым заведующим кафедрой психологии, возглавив также лабораторию экспериментальной психологии в Таджикском государственном университете.

В Таджикистане Ярошевский написал несколько работ о проблеме детерминизма в психологии, в том числе статьи «Детерминизм», «Воля», «Ассоциативная психология», «Ассоциация» для первого тома «Философской энциклопедии» (1960)⁹. Вопрос о том, является ли мозг «причиной» психической деятельности и определяется ли психика физиологией, остро встал в 1950 г. в результате печально известной «Павловской сессии» — объединенной сессии Академии наук и Академии медицинских наук СССР. В ходе политически мотивированной дискуссии теория условных рефлексов была, как известно, провозглашена единственно верной, объясняющей практически все психологические процессы. Многие психологи, включая Ярошевского, с этим не соглашались. Он стал писать о принципе детерминизма в психологии как отличном от механистически понятой причинности. В 1960 г. у него был диагностирован рак почки и проведена операция по ее резекции. Находясь между жизнью и смертью, Ярошевский собрал написанные к тому времени рукописи в книгу, озаглавив ее «Проблема детерминизма в психофизиологии». Изданную в 1961 г. в Душанбе монографию он послал в Москву, в Институт психологии. Ознакомившись с ней, директор института А. А. Смирнов пригласил Ярошевского защитить монографию как докторскую диссертацию. Решением ВАК от 1 декабря 1962 г. Ярошевскому присудили ученую степень доктора педагогических наук (по психологии)¹⁰.

По возвращении в Москву в 1965 г. Ярошевский начал работать в Институте истории естествознания и техники АН СССР, а в 1968 г. создал там и в течение многих лет возглавлял сектор, занимающийся психологическими проблемами научного творчества. Несмотря на активную научно-публикационную деятельность и то уважение, которым Михаил Григорьевич пользовался среди коллег, в советские годы по карьерной лестнице он не продвигался из-за противодействия ЦК партии вследствие не снятого с него

⁷ Петровский. Психология и время... С. 126–127.

⁸ Семёнов И. Н. Персонология Михаила Григорьевича Ярошевского как историка, теоретика, методолога психологии развития личности и творчества в науке // Развитие личности. 2015. № 4. С. 28.

⁹ Личное дело М. Г. Ярошевского...

¹⁰ Там же; Ярошевский М. Г. Проблема детерминизма в психофизиологии XIX в.: дис. ... д-ра пед. наук. Душанбе, 1961.

обвинения¹¹. Только после перестройки он был избран почетным академиком Российской академии образования (1990) и действительным членом Нью-Йоркской академии наук (1994). Входил в редколлегия серии «Научно-биографическая литература» в издательстве «Наука», был в течение многих лет членом редколлегии журналов «Вопросы психологии», «Вопросы истории естествознания и техники», а также «Психологического журнала».

В результате перенесенного в тюрьме НКВД, а также операции по удалению почки в 1960 г. здоровье Ярошевского пошатнулось: в последние десятилетия жизни он страдал клинической бессонницей и тяжелой почечной недостаточностью. Поэтому, когда в 1998 г. его приемная дочь с мужем решили эмигрировать в США, Ярошевский и его супруга Анна Израилевна Липкина выехали вместе с ними, надеясь на лечение. Однако уже по прилете в аэропорту Лос-Анджелеса Ярошевский получил травму, от которой не смог до конца оправиться. Последние годы жизни он провел в США в раздумьях о судьбе науки на его родине¹². В 2001 г. он скончался в Лос-Анджелесе.

История и методология психологии

Ярошевский известен прежде всего как автор многочисленных работ по истории и методологии психологии. В качестве важнейшего принципа, определявшего развитие психологии, он рассматривает принцип детерминизма. Однако, в отличие от механической причинности, которая действует в физиологии, в психологии причинность иного рода — телеологическая, сообразная не столько работе мозга, сколько цели и характеру человеческой деятельности, которая по природе своей социальна. Ярошевский обосновал и детально аргументировал в своих работах нередукционистский подход к психике. Для этого он ссылался на понятия «психической деятельности» И. М. Сеченова и «модели потребного будущего» Н. А. Берштейна, а также на работы Л. С. Выготского по методологии психологического знания и теорию деятельности А. Н. Леонтьева. В своей книге «История психологии» (1966) Ярошевский прослеживает историю развития психологического знания — от древневосточной психологической мысли до современности — с точки зрения того, как изменялось понимание этого принципа. История психологии рассматривается Ярошевским как история прогресса «детерминистического знания»¹³.

В монографии «Психология в XX столетии» (1971) Ярошевский обратился к исследованию устойчивых и неизменных компонентов научного знания — научных категорий, принципов и проблем¹⁴. Отталкиваясь от традиционного понятия общепсихологических категорий, охватывающих всеобщие формы

¹¹ Петровский. Психология и время... С. 126—127.

¹² Аллавердян А. Г., Сироткина И. Е. Круглый стол «Михаил Григорьевич Ярошевский — историк науки и науковед». К 100-летию со дня рождения // Социология науки и технологий. 2016. № 7 (2). С. 182—189.

¹³ Ярошевский М. Г. История психологии. М.: Мысль, 1966, 1976, 1985.

¹⁴ Ярошевский М. Г. Психология в XX столетии: теоретические проблемы развития психологической науки. М.: Политиздат, 1971, 1974.

бытия и познания, он предложил говорить о «категориальном строе психологической науки». Вслед за Выготским Ярошевский считал, что создатели психологических школ и течений ориентировались на один относительно изолированный, заведомо приоритетный для исследователей психологический феномен (так, бихевиоризм положил в основу своих взглядов поведение, действие; гештальтпсихология — образ и т. д.). По словам соавтора и друга Ярошевского А. В. Петровского,

в ткани психологической реальности они выделяли якобы единственную инвариантную «универсалию», ставшую основанием для конструирования общей психологической теории во всех ее ответвлениях. С одной стороны, это позволяло легче выстроить логику развития системы исследований, перехода от одних экспериментально проверенных утверждений к другим, уверенно прогнозируемым. С другой стороны, это сужало сферу применения исходных принципов, поскольку не опиралось на основания, явившиеся исходными для других школ и направлений¹⁵.

Ярошевский же предложил альтернативу — анализировать основания психологии системно, как структуру связанных между собой категорий.

Репрессированная наука

Когда в 1965 г. Ярошевский вернулся из Таджикистана и начал работать в Институте истории естествознания и техники АН СССР, деятельность его пошла по двум направлениям. С одной стороны, он продолжил заниматься историей и методологией психологии, в том числе вопросом о том, что детерминирует психику — мозг или социум. С другой, он включился в работу по реабилитации ученых, пострадавших в результате сталинских репрессий, способствуя восстановлению доброго имени и возвращению в науку работ Н. И. Бухарина, А. А. Богданова-Малиновского, Н. А. Бернштейна и многих других отечественных ученых. Все эти годы память Ярошевского сохраняла мучительные воспоминания о репрессиях. В 1938 г., находясь под следствием по сфабрикованному делу, Ярошевский пережил пытки и стал свидетелем смерти студентов, начинающих ученых, также подвергавшихся пыткам. «Теперь он поставил задачу хотя бы посмертно вернуть их в науку»¹⁶.

Неудивительно поэтому та энергия и самоотверженность, с которой Ярошевский посвятил себя этой области деятельности: с началом гласности и перестройки стали возможными не только реабилитация осужденных и опроверженных ученых, но и восстановление исторической памяти в широком объеме, включая те страницы истории, задерживаться на которых исследователям ранее «не рекомендовалось», если использовать эвфемизм советского времени. Вслед за обсуждением последствий печально известной августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. в центре внимания историков закономерно

¹⁵ *Петровский А. В.* Теоретическая психология как основание «общей психологии» // Вопросы психологии. 2000. № 4. С. 3–9.

¹⁶ *Аллахвердян А. Г., Юревич А. В.* Как репрессированный аспирант стал историком «репрессированной науки» // Вопросы психологии. 2010. № 6. С. 109–112.

оказалась состоявшаяся двумя годами позднее «Павловская сессия», роль которой в развитии физиологии оказалось не менее пагубной, чем воздействие «учения» Т. Д. Лысенко на генетику и общую биологию. В октябре 1987 г. Ярошевский совместно с сотрудницей ИИЕТ, известным историком физиологии Н. А. Григорьян организует и проводит в редакции «Вопросов истории естествознания и техники» круглый стол «“Павловская сессия” 1950 г. и судьбы советской физиологии», материалы которого были вскоре опубликованы на страницах ВИАТ¹⁷. Это обсуждение стало, как представляется, стимулом для решения Ярошевского создать неформальный коллектив исследователей, результаты работы которого увидели свет в виде двух сборников статей под общим заглавием «Репрессированная наука»¹⁸. Задачи проекта включали не только сбор архивных и печатных материалов, но и запись устных интервью с учеными, очевидцами и участниками трагических событий, — решение тем более важное, что многие из очевидцев находились в преклонном возрасте. Значение этих исследований подчеркивается и тем, что «Репрессированная наука» стала первой в ряду посвященных арестованным ученым изданий, таких как «Репрессированные геологи», «Трагические судьбы. Репрессированные ученые Академии наук», «Репрессированные этнографы»¹⁹.

В то же время уже в предисловии к первому выпуску «Репрессированной науки» Ярошевский настаивает на том, что речь пойдет не только о репрессированных в годы сталинского террора ученых, но и о более широком, *«беспрецедентном в истории человеческой культуры феномене»* (курсив автора. — Е. В., К. Р., И. С.)²⁰. Объектом репрессий оказалось «научное сообщество в целом» — «идеи и направления, научные учреждения и центры, книги и журналы». Вмешательство государства в естественно-научные дискуссии после Второй мировой войны (наиболее ярким примером этого стало административное насаждение лысенковщины) явилось лишь крайним выражением стремления подчинить науку единственно правильной «линии», выработанной государственно-партийным аппаратом: так, в области гуманитарных наук, в частности психологии, подобные попытки, как показывает Ярошевский²¹, предпринимались уже на рубеже 1920–1930-х гг. Воздействие подобных «дискуссий» оказалось долговременным, приведя не только к «замшелому догматизму» в гуманитарных дисциплинах²², сращиванию руководства

¹⁷ Круглый стол. «Павловская сессия» 1950 г. и судьбы советской физиологии // ВИАТ. 1988. № 3. С. 129–141; № 4. С. 147–157; 1989. № 1. С. 94–109.

¹⁸ Репрессированная наука / Ред. и сост. М. Г. Ярошевский. Т. 1. Л.: Наука, 1991; Т. 2. СПб.: Наука, 1994.

¹⁹ Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР / Сост. И. Г. Арефьев М.: Наука, 1995; Репрессированные этнографы / Сост. и ред. Д. Д. Тумаркин. М.: Восточная литература, 1999; Репрессированные геологи. 3-е изд. / Ред. В. П. Орлов, Л. П. Беляков, Е. М. Заблоцкий. М.; СПб.: МП РФ; ВСЕГЕИ; РосГео, 1999.

²⁰ Ярошевский М. Г. Сталинизм и судьбы советской науки // Репрессированная наука... 1991. Т. 1. С. 16.

²¹ Ярошевский М. Г. Марксизм в советской психологии (к социальной роли российской науки) // Репрессированная наука... 1994. Т. 2. С. 24–44.

²² Ярошевский. Сталинизм и судьбы... С. 20.

научных институтов и академий с партийно-государственным аппаратом, но и к менее заметным на первый взгляд изменениям — стремлению ученых избегать не только идеологических, навязанных государством, но и собственно научных дискуссий.

Ответ на вопрос о том, почему изучение «репрессированной науки» не получило воплощения в том объеме, который первоначально был намечен Ярошевским, связан в значительной степени с появлением в нашей стране в 1990-е гг. социальной истории науки, на протяжении десятилетий развивавшейся в странах Запада. С одной стороны, наработанный методологический багаж, разносторонний инструментарий анализа позволяли изучать различные стороны жизни научного сообщества с беспрецедентной глубиной, с огромным, недоступным ранее богатством деталей и оттенков. С другой, «репрессированная наука» предстает при этом как своего рода «частный случай» существования науки в экстремальных обстоятельствах. А вопрос о ценностях ученых как важнейшем мотиве поведения в подобных обстоятельствах отступает на задний план перед лицом иных объяснений, «работающих» в нормальных, неэкстремальных условиях, — прежде всего здесь нужно упомянуть столкновение интересов, определяющих отношения различных групп ученых друг с другом и с финансирующими науку патронами²³.

Важно, что в своем понимании «репрессированной науки» Ярошевский оставался исследователем, не поддававшимся соблазну простых объяснений, по сути старых клише, в которых «белое» заменялось на «черное» и наоборот. Так, наряду с репрессивной ролью государственных структур, процессом бюрократизации, приобретшим «невиданные в истории масштабы», исследователь отмечал и беспрецедентную степень государственной поддержки науки. Не мог пройти он и мимо роли марксизма, привлекавшего в 1920–1930-е гг. многих ученых своим «творческим и критическим духом», — до того, как тот приобрел «силу обязательной догмы». Не замечать этого, руководствуясь застывшими дихотомиями идеологии и науки, Ярошевский не мог, поскольку оставался чутким к деталям и самому духу эпохи. Так, занимаясь творчеством Выготского, он напишет о том, какое удручающее впечатление производило на ученого в начале 1930-х гг. стремление оппонентов отлучить его от марксизма, приводя высказывание Выготского: «Я не хочу жить, они не считают меня марксистом». «Отсутствие воздуха», убившее, как полагал Ярошевский, Выготского, связывалось им не в последнюю очередь с превращением марксизма в мертвящую догму²⁴.

Интерес Ярошевского к Выготскому и его идеям объяснялся в значительной степени тем, что он одним из первых стал издавать работы Выготского, находившиеся под запретом после разгрома педологии в СССР в 1934 г. Шеститомное собрание сочинений Выготского под редакцией Ярошевского по условиям времени (темная эпоха брежневского застоя и идеологических гонений) не могло выйти без купюр; с этим связано, в частности, отсутствие в некоторых работах слова «педология». Критика этого собрания

²³ Roll-Hansen, N. The Lysenko Effect: The Politics of Science. Amherst; New York: Humanity Books, 2005. P. 292.

²⁴ Ярошевский. Марксизм в советской психологии... С. 38.

сочинений²⁵ не должна игнорировать контекст его создания. Кроме имен отечественных ученых Ярошевский первым вернул в научный оборот труды Зигмунда Фрейда, доступ к которым был закрыт для обычных читателей — эти труды, не переиздававшиеся с 1920-х гг., находились только в ведомственных библиотеках, либо в спецхране Библиотеки им. В. И. Ленина. Так, через пять лет после начала перестройки под редакцией Ярошевского вышел первый за многие десятилетия том основоположника психоанализа, озаглавленный «Психология бессознательного»²⁶.

Социальная психология науки: программно-ролевой подход и научная школа М. Г. Ярошевского

В работах, посвященных изучению социальных аспектов развития научного знания, Ярошевский ввел значимые, плодотворные понятия «оппонентного круга», включающего в себя тех, кто оспаривает, опровергает, возражает ученому, и круга «значимых других», полемика с которыми регулирует его деятельность. Им был разработан программно-ролевой подход к изучению развития науки, который и лег в основание новой дисциплины — социальной психологии науки.

Как область психологического и науковедческого знания социальная психология науки была в представлении Ярошевского нацелена на то, чтобы увидеть личность ученого со всеми особенностями его творческого мышления — в скрещении индивидуально-психологических параметров, характеристик социализации и исторической логики развития научной мысли. При рассмотрении коллективной исследовательской деятельности научной группы подчеркивалось, что продуктивность группы превышает сумму продуктивностей ее отдельных членов, что позволяет говорить о ней как о субъекте научного творчества. При этом социально-психологические характеристики группы влияют на индивидуальное научное творчество ученого — члена группы, а также организацию совместной исследовательской деятельности. Описание программно-ролевого подхода к научной деятельности было впервые дано в статье, опубликованной в 1978 г. в журнале «Вопросы психологии»²⁷.

²⁵ Завершнева Е. Ю., Осипов М. Е. Основные поправки к тексту «Исторический смысл психологического кризиса», опубликованному в 1982 г. в собрании сочинений Л. С. Выготского // Вопросы психологии. 2010. № 1. С. 92–103; Mecacci, L., Yasnitsky, A. Editorial Changes in the Three Russian Editions of Vygotsky's "Thinking and Speech" (1934, 1956, 1982): Towards Authoritative and Ultimate English Translation of the Book // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2011. № 4. С. 159–187.

²⁶ Фрейд З. Психология бессознательного: сборник произведений / Сост. и ред. М. Г. Ярошевский. М.: Просвещение, 1990.

²⁷ Ярошевский М. Г. Программно-ролевой подход к исследованию научного коллектива // Вопросы психологии. 1978. № 3. С. 40–53; Ярошевский М. Г., Юревич А. В., Аллахвердян А. Г. Программно-ролевой подход и современная наука // Вопросы психологии. 2000. № 6. С. 3–40.

В роли системообразующего признака при изучении коллективной научной деятельности выступала исследовательская программа, в рамках которой мог быть понят общий замысел работы группы: видение проблемы и возможные подходы к ее решению, теоретические, методические и ценностно-нормативные установки, а также представление об ожидаемом результате и стратегии его достижения, стадиях работы и «пунктах» научного взаимодействия членов группы²⁸. Организуя коллективную научную деятельность, программа, по мысли Ярошевского, обеспечивала единство кооперации и дифференциации научного труда, определенную структуру межличностных отношений и стиля общения; в плане же личностно-психологическом — определяла особенности индивидуального творчества. Общая исследовательская программа как раз и являлась тем сплачивающим группу предметным стержнем, вокруг которого и по поводу которого строятся научная деятельность и межличностные отношения в группе, возникает функционально-ролевая дифференциация²⁹.

Научная роль представляет, согласно Ярошевскому, специфический набор действий, способность к которым у определенного сотрудника выражена ярче, чем у других членов группы, и которые он выполняет лучше других. Понятие ролевого профиля было введено для обозначения той совокупности ролей, которые ученый чаще и эффективнее всего исполняет в групповой деятельности и носителем которых воспринимается другими членами группы; при этом были описаны и параметры формирования подобного профиля.

Основные направления, связанные с разработкой программно-ролевого подхода к коллективной научной деятельности, можно проследить по диссертационным исследованиям, выполненным под руководством Ярошевского его сотрудниками. Сосредоточив внимание на том, как исследовательская программа регулирует межличностные отношения в научном коллективе, М. А. Иванов выделил ряд значимых в этом отношении характеристик программы, а также осуществил анализ интенсивности научного общения в зависимости от вида научно-исследовательской программы, при этом социальный статус личности в группе зависит, согласно Иванову, от степени включенности (по числу научных контактов) в процесс научного общения; отсутствие же единой исследовательской программы приводит к уменьшению интенсивности межличностного общения. Им же был описан феномен социально-психологического конфликта как характеризующий различные типы межличностных отношений ученых в группе³⁰.

В рамках программно-ролевого подхода был выделен и присущий каждому исследовательскому коллективу универсальный набор научных ролей — «ядро ролевого ансамбля», включающий в себя «генератора идей», «критика»

²⁸ Умрихин В. В. Развитие советской школы дифференциальной психофизиологии. М.: Наука, 1987.

²⁹ Ярошевский. Программно-ролевой подход...

³⁰ Иванов М. А. Научно-исследовательская программа как фактор регуляции межличностных отношений в первичном научном коллективе: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1982.

и «эрудита»³¹. В диссертационном исследовании Г. Ю. Мошковой были выделены также такие научные роли, как «организатор», «мастер», «коммуникатор», «исполнитель» и «учитель», который в свою очередь может выступать в роли «идеолога», «нравственного образца», «организатора», «наставника», «опекуна»³². В исследованиях А. В. Юревича был изучен феномен ролевой конкуренции — рассогласования индивидуальных ролевых предпочтений ученого и требований коллективной исследовательской деятельности, что проявляется в «проигрывании» несвойственной ученому научной роли в том случае, если предпочитаемая роль выполняется в исследовательской группе кем-то другим³³. Было также показано, что в неэффективном коллективе руководитель выступает в роли «критика» и «исполнителя», тогда как в высокоэффективном — в роли, как правило, «генератора идей» и «организатора», что в свою очередь, привело к появлению идеи ролевой перцепции (восприятия) руководителя³⁴.

Социально-психологическим характеристикам научной школы было посвящено исследование В. В. Умрихина, обратившего внимание как на неформальный характер межличностных отношений, так и на единство коллективной мотивации исследовательского труда, высокую групповую сплоченность, обусловленную общностью ценностных познавательных ориентаций, высокой интеграцией межличностных и предметно-рефлексивных отношений, что создает в итоге присущий научной школе социально-психологический климат. В кандидатской диссертации Е. А. Володарской обсуждались также вопросы идентификации ученого с научной школой, параметры, усиливающие включенность исследователя в данный тип научной группы³⁵.

В рамках программно-ролевого подхода Е. Н. Емельяновым было показано, как на развитие взаимопонимания и оптимизацию межличностных отношений влияет интерес сотрудников к проблемным аспектам деятельности других членов группы, а П. Г. Белкиным была исследована роль научного коллектива в становлении молодого ученого, выделены различные типы адаптационного процесса в зависимости от личностно-психологических особенностей неопита. А. Г. Аллахвердяном изучалась связь между сплоченностью группы и конфликтностью, обусловленной внутригрупповой предметной деятельностью³⁶.

³¹ Белкин П. Г., Емельянов Е. Н., Иванов М. А. Социальная психология научного коллектива. М.: Наука, 1987.

³² Мошкова Г. Ю. Социально-психологические детерминанты профессионального самоопределения ученого: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1989.

³³ Юревич А. В. Социальная психология науки. СПб.: Изд-во РХГИ, 2001.

³⁴ См. Юревич. Социальная психология науки...; Проблемы руководства научным коллективом / Ред. М. Г. Ярошевский. М.: Наука, 1982.

³⁵ Умрихин Развитие советской школы...; Володарская Е. А. Научная школа как объект идентификации ученых. М.: ИИЕТ РАН, 1996.

³⁶ Емельянов Е. Н. Интернализация ценностей науки: социально-психологическая точка зрения // Ценностные аспекты развития науки / Ред. В. П. Визгин и др. М.: Наука, 1990. С. 121–135; Белкин П. Г. Научное руководство и адаптация молодого ученого // Проблемы руководства научным коллективом / Ред. М. Г. Ярошевский. М.: Наука, 1982. С. 150–166; Аллахвердян А. Г. Стиль руководства как детерминанта деятельности малой научной группы: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1993.

На рубеже XX–XXI вв. внимание учеников Ярошевского привлекла проблема отношения общества к науке. Социально-психологический взгляд на изучение обыденного знания, субъективной картины повседневной реальности — правил и принципов, по которым они строятся, составляя своего рода основу социального познания, — представлен в докторской диссертации Юревича³⁷. Вопросы взаимодействия общества и науки отражены в работах Юревича, посвященных анализу социального статуса и престижа ученого, роли и места науки в обществе, ее социальных функций³⁸. Володарской была разработана социально-психологическая концепция общественного имиджа науки, предполагающая выделение предметно-логической, социально-научной и личностно-психологической составляющих³⁹. В дальнейшем сотрудниками ИИЕТ был подготовлен и ряд коллективных монографий, анализирующих проблемы социальной психологии науки⁴⁰.

* * *

Михаил Григорьевич был учителем «по жизни», — вспоминает бывший аспирант Ярошевского психолог Евгений Николаевич Емельянов, — он умел влиять на совесть. Недавно я не смог дать положительный отзыв на плохую работу — у меня в сознании промелькнуло: а что бы подумал М. Г.? [...] Мы его бесконечно уважали, но не помню, чтобы смотрели ему в рот. Когда мы на семинарах что-то обсуждали, это была реальная дискуссия⁴¹.

В школе Ярошевского не было «игры в науку», он всерьез, коллегиально относился к самому молодому, начинающему аспиранту. Емельянов продолжает:

У меня перед глазами рукописи М. Г., много раз переписанные и перечеркнутые — он был очень требователен к своим работам, был мастер слова, прекрасный стилист. И над рукописями своих аспирантов и сотрудников он очень тщательно работал — так, чтобы можно было их, не краснея, включить в общенаучный корпус текстов⁴².

³⁷ Юревич А. В. Социально-психологический анализ научного и обыденного объяснения: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1993.

³⁸ Юревич А. В. Умные, но бедные. Ученые в современной России. М.: Издательский центр научных и учебных программ, Московский общественный научный фонд, 1998; Юревич А. В., Цапенко И. П. Нужны ли России ученые? М.: Эдиториал УРСС, 2001; Юревич. Социальная психология науки...

³⁹ Володарская Е. А. Имидж науки в обществе: психологические проблемы. М.: Институт бизнеса и политики, 2007.

⁴⁰ Аллахвердян А. Г., Мошкова Г. Ю., Юревич А. В., Ярошевский М. Г. Психология науки. М.: Флинт, 1998; Наука в России: современное состояние и стратегия возрождения / Ред. Е. В. Семенов, Н. Н. Семенова, А. В. Юревич. М.: Логос, 2004; Наукovedение и новые тенденции в развитии российской науки / Ред. А. Г. Аллахвердян, Н. Н. Семенова, А. В. Юревич. М.: Логос, 2005; Реформы отечественной академии наук в XX–XXI веках: историко-наукovedческие очерки: монографическое исследование / Ред. и сост. А. Г. Аллахвердян, К. О. Россиянов, И. Е. Сироткина. Саратов: Амирит, 2019.

⁴¹ Аллахвердян, Сироткина. Круглый стол... С. 186.

⁴² Там же.

По воспоминаниям других учеников Ярошевского, он «как никто, умел переходить от истории к современности [...] и лично был примером такой связи»⁴³. Личный опыт стал важным мотивом в осмыслении советского прошлого отечественной науки, что столь отчетливо проявилось в проекте «Репрессированной науки», ценность которого выходит за чисто научные рамки. В то же время без истории науки трудно представить себе научные искания Ярошевского-психолога и социолога науки. Примером подобной связи может служить замысел исторической психологии науки, возникший у Ярошевского уже в конце жизни. История идей сопрягается в нем с изучением психологии научного творчества, социально-психологической динамики научных коллективов и также проблемой «надсознательного», понимаемого как такая форма активности субъекта, при которой «в ответ на потребность исторической логики в разработке предмета знания создаются различные, никогда прежде не существовавшие проекты воспроизведения этого предмета»⁴⁴. Таково, в частности, понятие торможения. Сеченов открыл центр торможения, раздражая мозг лягушки, что положило начало ожесточенным спорам о торможении, его центрах и пр., спорам, важным для физиологии. Но само понятие торможения, как и понятие сигнала или понятие саморегуляции, — не физиологическое, оно стоит «за» или «над» этими спорами и в этом смысле — «надсознательное».

Уделяя особое внимание истории отечественной науки, Ярошевский пришел к последние годы жизни к представлению об особой парадигме изучения поведения, сложившейся в нашей стране и отличающейся от бихевиоризма, наиболее активно, как известно, развивавшегося в США. Эту парадигму, представленную очень разными учеными (российскими, или «русскими» по месту проживания и языку) — от Сеченова до психологов Выготского, Леонтьева и физиолога Бернштейна, — характеризовало понимание человеческого поведения как активного в отличие от реактивного, как в бихевиоризме, или гомеостатического, как в классической физиологии. Наука о поведении, по мнению Ярошевского, базировалась на собственных категориях «сигнала», «саморегуляции», «торможения», не совпадающих с категориальным аппаратом психологии и физиологии и больше напоминавших теорию систем или кибернетику:

Русская мысль, открывшая проблему поведения и создавшая категориальную схему его разработки, не подменяла ею ни физиологию, ни психологию. Она искала пути интеграции своих открытий с исторически сложившимися категориями, в которых даны предметы этих дисциплин⁴⁵.

Он показывал, что именно потребность в этой особой области знания возникла в определенный исторический период в России. К сожалению, эти идеи вызвали и пристрастную критику, рисующую Ярошевского как

⁴³ Там же. С. 189.

⁴⁴ *Ярошевский М. Г. Историческая психология науки.* СПб.: Изд-во Международного фонда истории науки, 1995. С. 86.

⁴⁵ *Ярошевский М. Г. Наука о поведении: русский путь.* М.: Издательство «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996.

идеолога и провозвестника «особого пути» русской науки, неоимперской державности. Помимо несоответствия содержанию написанного Ярошевским подобная характеристика противоречит и самому оставшемуся в нашей памяти облику Михаила Григорьевича — Человека науки *par excellence*, мыслителя, далекого от геополитического мессианизма.

В конце жизни боязнь не успеть достроить создаваемую концепцию исторической психологии науки, прояснить свои взгляды окружающим, в том числе ученикам, стимулировала его научную деятельность. Это привело к необычайной продуктивности — появлению нескольких фундаментальных монографий: «Л. С. Выготский: в поисках новой психологии» (1993), «Историческая психология науки» (1995), «Наука о поведении — русский путь» (1996) ⁴⁶. Последняя работа Ярошевского «Психология в терминах драмы» осталась незавершенной.

Приложение. Письмо М. Г. Ярошевского А. Е. Иванову от 30 ноября 1998 г.

Одно из последних писем Михаил Григорьевич Ярошевский написал своему коллеге и другу историку Анатолию Евгеньевичу Иванову ⁴⁷. В 2015 г., когда отмечалось столетие со дня рождения Ярошевского, Анатолий Евгеньевич любезно предоставил это письмо для публикации, сопроводив его следующим комментарием:

Это письмо Михаила Григорьевича Ярошевского для меня стало последней вестью о нем, живом, из американского далека, так и не ставшего для него «своим». Оно на редкость многогранно отражает необъятность внутреннего мира корреспондента, в который он был всецело погружен, оставшись в умственном и духовном одиночестве, постигшем его после вынужденной в результате тяжелого недуга эмиграции. Я это почувствовал по тональности редких телефонных разговоров с Михаилом Григорьевичем, которые предшествовали публикуемому письму. Голос его был печален...

Наше знакомство произошло по воле Михаила Григорьевича. Он первый позвонил мне по телефону и, изложив свое благожелательное отношение к моей недавно опубликованной книге «Высшая школа России в конце XIX — начале XX в.» (М., 1991), предложил встретиться в легендарном тогда Институте истории естествознания и техники АН СССР в уютном старомосковском доме в Старопанском переулке неподалеку от Кремля. Встреча состоялась,

⁴⁶ Ярошевский М. Г. Л. С. Выготский: в поисках новой психологии. СПб.: Международный фонд истории науки, 1993; Ярошевский. Историческая психология...; Ярошевский. Наука о поведении...

⁴⁷ Анатолий Евгеньевич Иванов (род. 1936) — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, лауреат премии имени В. О. Ключевского за выдающийся вклад в области отечественной истории и славяноведения. Автор книг: Высшая школа России конца XIX — начала XX в. (М., 1991); Ученые степени в Российской империи XVIII в. — 1917 г. (М., 1994); Студенчество России конца XIX — начала XX в.: социально-историческая судьба (М., 1999); Студенческая корпорация России конца XIX — начала XX в.: опыт культурной и политической самоорганизации (М., 2004); Мир русского студенчества. 80-е годы XIX — начало XX в. Очерки (М., 2010) и др.

как мне помнится, летом 1991 г. в секторе психологии научного творчества. Наша довольно продолжительная беседа сначала о моей книге и, что стало для меня неожиданностью, о ее пользе для историков науки затем плавно перетекла на будни, бурлившие тогда за окном. Михаил Григорьевич с энтузиазмом развил свое видение политической ситуации, в которой мы оказались. Несколько месяцев спустя, кажется уже зимой, в Доме молодежи у метро «Фрунзенская», при огромном стечении протестующих против трусливого решения президиума академии не делегировать в Верховный Совет академика А. Н. Сахарова, я стал свидетелем пламенной обличительной речи М. Г. Ярошевского в адрес вынужденно присутствовавшего на этом спонтанном митинге президента Академии наук Г. И. Марчука.

Уже при нашем первом знакомстве я осознал, что судьба свела меня с личностью необыкновенного ума, европейской образованности, высшей учености, широкого демократизма. С той далекой поры и завязались наши доверительные дружеские отношения, к сожалению, не с такими частыми, как того желалось, встречами, но постоянными, временами каждодневными телефонными перезвонами на темы бушующей политики и научные. При этом я ощущал себя учеником-неофитом перед ученым Гуру. И это чувство не покидает меня, когда вспоминаю о Михаиле Григорьевиче. Он живо интересовался моими научными предприятиями в сфере истории высшей школы как центра и организационной формы науки, ее людей, студенчества. Возможно, сам того не замечая, Михаил Григорьевич стал для меня не только более чем сведущим собеседником, а моим научным консультантом и в известной степени учителем.

Уход его и по сегодня отзывается во мне светлой печалью.

30/XI 98

Добрый день, мой дорогой друг
Анатолий Евгеньевич!

К сожалению, задержался с ответом на Ваше письмо, полученное в начале ноября, так как нежданно-негаданно попал в госпиталь. Между прочим, версия об американской чудо-медицине требует коррекции. С полной ответственностью заявляю, что наши российские терапевты по всем параметрам превосходят здешних, хирурги же эффективнее наших из-за технической вооруженности, а те, кого у нас принято называть сестрами, нянечками, санитарями, просто превосходны. (Однако среди этой последней категории мало американцев. Она представлена мексиканцами, филиппинцами, корейцами и другими латиноамериканцами и азиатами.) Мощь хирургов довелось испытать в связи с тем, что, опьяненный огромной дозой снотворного, я ночью быстро вскочил на телефонный звонок, упал и сломал шейку бедра, что, конечно, в России кончилось бы (учитывая возраст) катастрофически. Здесь же вставили стержень из сплава, который используется в спутниках, заставили, вопреки дикой боли, на четвертый день встать и ходить с «вокером» (в России я этого киборга не видел, а он гораздо удобнее костылей). Затем – перешел на палочку. Что же касается моей оставшейся после удаления раковой опухоли почки, то, к сожалению, никакого прогресса. А ведь надежда на нефрологию была одним из мотивов, вытолкнувших из родной страны. Впрочем, имелся и другой,

более доминирующий мотив. Очень важно – вовремя «уйти со сцены». Ведь я – историк психологии – знаю, что из работников этой науки почти никто не доживал до моих лет ни в России и за рубежом. А если кто-то задержался, работать не мог. С одной стороны, мы оказались здесь в более-менее сносных условиях. Даже как-то совестно, что страна, для народа которой ты ничего не сделал и не сделаешь, не только кормит, но и лечит. Но это совершенно чужая страна и для меня останется таковой (а не второй родной, как твердят иммиграционные средства массовой информации), несмотря на снисходительно-благодарное отношение к таким обременительным для ее налогоплательщиков пришельцам, как мы.

Дорогой Анатолий Евгеньевич! Мне понятен пессимистический тон Ваших строк! Ведь столько пришлось пережить разочарований после того, как приветствовали Ельцина на танке. Очевидно, что и ближайший период не принесет радости. Мне представляется, что это обусловлено глобальным кризисом русской культуры. Эта культура, родившись в 18 веке, расцветши в 19 и войдя в серебряный век в начале 20, к концу этого века умерла, задавленная коммунистическим тоталитаризмом двух предшествующих тридцатилетий (каждое тридцатилетие это одно поколение). В первом тридцатилетии таился мощный духовный заряд. Он сформировал потенциал тех людей культуры, которые принесли России славу в литературе, гуманитарных науках, во многих сферах искусства. К концу 30-х годов это все стало исчезать. 37-й это ведь не только чудовищное истребление людей. Он имеет глубинные корни в социокультурной жизни народа. Сталин не только ее определял, но и ею определялся (подчеркивание в оригинале. – Е. В., К. Р., И. С.). Второе тридцатилетие завершили так называемые шестидесятники. Они уверовали, что, освободившись от Сталина, создадут истинно человеческую социалистическую культуру. Теперь мы знаем, чем завершилось их творчество, что осталось от Евтушенко, Вознесенского и др. Не случайно, оставшись физически существовать в следующем тридцатилетии, они ничего уже создать не могли. Никакого резонанса их попытки как-то утвердиться в этот период в культуре не получили. Убежден, что боли этого периода адекватно выразил только Высоцкий (отсюда и его популярность), сказавший в одной песне: «Всё не так, ребята». Последнее тридцатилетие века ничего, кроме разочарования, разброда, глобальной деградации (когда нельзя назвать ни одного ставшего в истории русской культуры великим и признанном народом произведения) не принесло. (Ни в одной сфере культуры.) О духе народа можно судить по результатам выборов. Узнав о них, известный шестидесятник Ю. Карякин воскликнул: «Россия, ты одурела!» Он принял за дурость то, что отражало глубинный смысл. Он, приняв розовый неадекватный образ в мечтах о России, не мог понять, каким образом большинство поддержало партию Ленина – Сталина, причем поддержало через полвека после того, как тиран подох, в условиях свободного волеизъявления. Здесь для Вас как профессионального историка (в отличие от Солженицына) работы – непочатый край. В заключение примите, дорогой Анатолий Евгеньевич, пожелания благополучия Вам и Вашим близким в наступающем Новом году. В ситуации глобального кризиса культуры не обрести ли смысл бытия в мире на путях научного творчества?

Обнимаю.

Ваш Яр[ошевский]

References

- Allakhverdian, A. G. (1993) *Stil' rukovodstva kak determinanta maloi nauchnoi gruppy: dis. ... kand. psikholog. nauk* [Management Style as the Determinative Factor in a Small Research Group. Thesis for the Candidate of Psychological Sciences Degree]. Moskva.
- Allakhverdian, A. G., and Iurevich, A. V. (2010) Kak repressirovannyi aspirant stal istorikom "repressirovannoi nauki" [How a Repressed Doctoral Student Became a Researcher of "Repressed Science"], *Voprosy psikhologii*, no. 6, pp. 109–112.
- Allakhverdian, A. G., and Sirotkina, I. E. (2016) Kruglyi stol "Mikhail Grigor'evich Iaroshevskii – istorik nauki i naukoved". K 100-letiiu so dnia rozhdeniia [Round-Table Discussion "Mikhail Grigorievich Yaroshevsky, His Contribution to History of Science and Science Studies". Commemorating the Centenary of His Birth], *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*, vol. 7, no. 2, pp. 182–189.
- Allakhverdian, A. G., Moshkova, G. Iu., Iurevich, A. V., and Iaroshevskii, M. G. (1998) *Psikhologiya nauki* [Psychology of Science]. Moskva: Flint.
- Allakhverdian, A. G., Rossiianov, K. O., and Sirotkina, I. E. (eds.) (2019) *Reformy otechestvennoi Akademii nauk v XX–XXI vekakh: istoriko-naukovedcheskie ocherki: monograficheskoe issledovanie* [The Reforms of the Russian Academy of Sciences in the 20th and 21st Centuries: Historioscientific Essays: A Monographic Study]. Saratov: Amirit.
- Allakhverdian, A. G., Semenova, N. N., and Iurevich, A. V. (eds.) (2005) *Naukovedenie i novye tendentsii v razvitií sovetskoi nauki* [Science of Science and New Trends in the Development of Russian Science]. Moskva: Logos.
- Aref'ev, I. G. (ed.) (1995) *Tragicheskie sud'by: repressirovannye uchenye Akademii nauk SSSR* [Tragic Fates: The Repressed Scientists of the USSR Academy of Sciences]. Moskva: Nauka.
- Belkin, P. G. (1982) Nauchnoe rukovodstvo i adaptatsiia mladogo uchenogo [Scientific Supervision and the Problem of Young Scientist's Adaptation], in: Iaroshevskii, M. G. (ed.) *Problemy rukovodstva nauchnym kolektivom* [Problems of Management in a Scientific Group]. Moskva: Nauka, pp. 150–166.
- Belkin, P. G., Emel'ianov, E. N., and Ivanov, M. A. (1987) *Sotsial'naia psikhologiya nauchnogo kolektiva* [Social Psychology of Scientific Group]. Moskva: Nauka.
- Emel'ianov, E. N. (1990) Internalizatsiia tsennostei nauki: sotsial'no-psikhologicheskaya tochka zreniia [The Internalization of Scientific Values: A Sociopsychological Perspective], in: Vizgin, V. P. et al. (eds.) *Tsennostnye aspekty razvitiia nauki* [The Value Dimension of Science]. Moskva: Nauka, pp. 121–135.
- Freud, S. (1990) *Psikhologiya bessoznatel'nogo: sbornik proizvedenii* [Psychology of Unconscious: Collection of Works]. Moskva: Prosveshchenie.
- Iaroshevskii, M. G. (1961) *Problema determinizma v psikhofiziologii XIX v.: dis. ... d-ra ped. nauk* [The Problem of Determinism in the 19th Century Psychophysiology. Thesis for the Doctor of Pedagogical Sciences Degree]. Dushanbe.
- Iaroshevskii, M. G. (1974). *Psikhologiya v XX stoletii: teoreticheskie problemy razvitiia psikhologicheskoi nauki* [Psychology in the 20th Century: Theoretical Problems in the Development of Psychological Science]. Moskva: Politizdat.
- Iaroshevskii, M. G. (1978) Programmo-rol'voi podkhod k issledovaniyu nauchnogo kolektiva [The Program-Role Approach in a Scientific Group Study], *Voprosy psikhologii*, no. 3, pp. 40–53.
- Iaroshevskii, M. G. (1985) *Istoriia psikhologii* [A History of Psychology]. Moskva: Mysl'.
- Iaroshevskii, M. G. (1991) Stalinizm i sud'by sovetskoi nauki [Stalinism and the Fate of Soviet Science], in: Iaroshevskii, M. G. (ed.) *Repressirovannaya nauka* [Repressed Science]. Leningrad: Nauka, vol. 1, pp. 6–33.
- Iaroshevskii, M. G. (1993) *L. S. Vygotskii: v poiskakh novoi psikhologii* [L. S. Vygotskii: In Search of a New Psychology]. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Mezhdunarodnogo fonda istorii nauki.
- Iaroshevskii, M. G. (1994) Marksizm v sovetskoi psikhologii [Marxism in Soviet Psychology], in: Iaroshevskii, M. G. (ed.) *Repressirovannaya nauka* [Repressed Science]. Sankt-Peterburg: Nauka, vol. 2, pp. 24–44.
- Iaroshevskii, M. G. (1995) *Istoricheskaya psikhologiya nauki* [Historical Psychology of Science]. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Mezhdunarodnogo fonda istorii nauki.

- Iaroshevskii, M. G. (1996) *Nauka o povedenii: russkii put' [Behavioral Science: Russian Path]*. Moskva: Institut prakticheskoi psikhologii and Voronezh: NPO "MODEK".
- Iaroshevskii, M. G. (ed.) (1973) *Sotsial'no-psikhologicheskie problemy nauki. Uchenyi i nauchnyi kollektiv [Sociopsychological Problems of Science. Scientist and Scientific Group]*. Moskva: Nauka.
- Iaroshevskii, M. G. (ed.) (1974) *Chelovek nauki [The Man of Science]*. Moskva: Nauka.
- Iaroshevskii, M. G. (ed.) (1982) *Problemy rukovodstva nauchnym kollektivom [Problems of Management in a Scientific Group]*. Moskva: Nauka.
- Iaroshevskii, M. G. (ed.) (1991) *Repressirovannaia nauka [Repressed Science]*. Leningrad: Nauka, vol. 1.
- Iaroshevskii, M. G. (ed.) (1994) *Repressirovannaia nauka [Repressed Science]*. Sankt-Peterburg: Nauka, vol. 2.
- Iaroshevskii, M. G., Iurevich, A. V., and Allakhverdian, A. G. (2000) Programmno-rolivoi podkhod i sovremennaia nauka [The Program-Role Approach in Modern Science], *Voprosy psikhologii*, no. 6, pp. 3–40.
- Iurevich, A. V. (1993) *Sotsial'no-psikhologicheskii analiz nauchnogo i obydenного ob"iasneniia: dis. ... d-ra psikh. nauk [Sociopsychological Analysis of the Scientific and the Mundane Explanation. Thesis for the Doctor of Psychological Sciences Degree]*. Moskva.
- Iurevich, A. V. (1998) *Umnye, no bednye. Uchenye v sovremennoi Rossii [Clever but Poor: Scientists in Modern Russia]*. Moskva: Izdatel'skii tsentr nauchnykh i uchebnykh program, Moskovskii obshchestvennyi nauchnyi fond.
- Iurevich, A. V. (2001) *Sotsial'naia psikhologiya nauki [Social Psychology of Science]*. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo RKHGI.
- Iurevich, A. V., and Tsapenko, I. P. (2001) *Nuzhny li Rossii iche nye? [Does Russia Need Scientists?]*. Moskva: Editorial URSS.
- Ivanov, M. A. (1982) *Nauchno-issledovatel'skaia programma kak faktor reguliatsii mezhluchnostnykh otnoshenii v pervichnom nauchnom kollektive: dis. ... kand. psikh. nauk [Research Program as a Regulatory Factor in the Interpersonal Relations in a Primary Research Group. Thesis for the Candidate of Psychological Sciences Degree]*. Moskva.
- Kedrov, B. M., Iaroshevskii, M. G., Mikulinskii, S. R., and Pogrebyskii, I. B. (eds.) (1971) *Nauchnoe otkrytie i ego vospriiatie [Scientific Discovery and Its Reception]*. Moskva: Nauka.
- Kruglyi stol. "Pavlovskaia sessiia" 1950 g. i sud'by sovetskoi fiziologii [The 1950 "Pavlov Session" and the Fate of Soviet Physiology. Round-Table Discussion], *Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki*, 1988, vol. 9, no. 3, pp. 129–141, no. 4, pp. 147–157; 1989, vol. 10, no. 1, pp. 94–109.
- Martsinkovskaia, T. D. (2015) Mikhail Grigor'evich Iaroshevskii: istoricheskaiia psikhologiya istoricheskoi lichnosti [Mikhail Grigorievich Yaroshevsky: Historical Psychology of Historical Figure], *Razvitie lichnosti*, no. 4, pp. 10–18.
- Mecacci, L., and Yasnitsky, A. (2011) Editorial Changes in the Three Russian Editions of Vygotsky's "Thinking and Speech" (1934, 1956, 1982): Towards Authoritative and Ultimate English Translation of the Book, *Psikhologicheskii zhurnal Mezhdunarodnogo universiteta prirody, obshchestva i cheloveka "Dubna"*, no. 4, pp. 159–187.
- Mikulinskii, S. R. and Iaroshevskii, M. G. (eds.) (1969) *Nauchnoe tvorchestvo [Scientific Creativity]*. Moskva: Nauka.
- Mikulinskii, S. R., Iaroshevskii, M. G., Kreber, G., and Shteiner, G. (eds.) (1977) *Shkoly v nauke [Scientific Schools]*. Moskva: Nauka.
- Moshkova, G. Iu. (1989) *Sotsial'no-psikhologicheskie determinanty professional'nogo samoopredeleniia uchenogo: dis. ... kand. psikh. nauk [Sociopsychological Determinative Factors in Researcher's Professional Identity. Thesis for the Candidate of Psychological Sciences Degree]*. Moskva.
- Orlov, V. P., Beliaikov, L. P., and Zablotskii, E. M. (eds.) (1999) *Repressirovannye geologi. 3-e izd. [The Repressed Geologists. 3rd ed.]*. Moskva and Sankt-Peterburg: MP RF, VSEGEI, and RosGeo.
- Petrovskii, A. V. (2007) *Psikhologiya i vremia [Psychology and Time]*. Moskva: Piter.
- Petrovskii, A. V. (2000) Teoreticheskaiia psikhologiya kak osnovanie "obshchei psikhologii" [Theoretical Psychology as a Foundation for "General Psychology"], *Voprosy psikhologii*, no. 4, pp. 3–9.

- Roll-Hansen, N. (2005) *The Lysenko Effect: The Politics of Science*. Amherst and New York: Humanity Books.
- Semenov, E. V., Semenova, N. N., and Iurevich, A. V. (eds.) (2004) *Nauka v Rossii: sovremennoe sostoianie i strategiiia vrozozhdeniia* [Science in Russia: Current State and Revival Strategy]. Moskva: Logos.
- Semenov, I. N. (2015) Personologiiia Mikhaila Grigor'evicha Iaroshevskogo kak istorika nauki, teoretika, metodologa psikhologii razvitiia lichnosti i tvorchestva v nauke [The Personology of Mikhail Grigorievich Yaroshevsky as a Historian, Theoretician, and Methodologist of Psychology of Personality Development and Creativity in Science], *Razvitie lichnosti*, no. 4, pp. 19–52.
- Tumarkin, I. D. (ed.) (1999) *Repressirovannye etnografy* [The Repressed Ethnographers]. Moskva: Vostochnaia literatura.
- Umrikhin, V. V. (1987) *Razvitie sovetskoi shkoly differentsial'noi psikhofiziologii* [The Development of Soviet School of Differential Psychophysiology]. Moskva: Nauka.
- Volodarskaia, E. A. (1996) *Nauchnaia shkola kak ob"ekt identifikatsii uchenykh* [Scientific School as an Object of Scientists' Identification]. Moskva: IIET RAN.
- Volodarskaia, E. A. (2007) *Imidzh nauki v obshchestve: psikhologicheskie problemy* [The Image of Science in Society: Psychological Problems]. Moskva: Institut biznesa i politiki.
- Zavershneva, E. Iu., and Osipov, M. E. (2010) Osnovnye popravki k tekstu "Istoricheskii smysl psikhologicheskogo krizisa", opublikovannomu v 1982 g. v sobranii sochinenii L. S. Vygotskogo [The Main Revisions in the Text of "Historical Implication of Psychological Crisis" Published in L. S. Vygotsky's Collected Works in 1982], *Voprosy psikhologii*, no. 1, pp. 92–103.

Received: June 29, 2022.